УДК 123.2+304.4+930.1

# АЛЬТЕРНАТИВЫ РОССИЙСКОЙ МОНАРХИИ В 1917 г.: ОПЫТ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

***Нехамкин Валерий Аркадьевич,***
Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, доцент,
г. Москва, Россия.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

*Аннотация*
В статье рассматриваются альтернативы, которые имелись перед монархической властью в России в конце февраля – начале марта 1917 г. Показываются перспективы их реализации на практике.

*Ключевые понятия:*
монархия,
исторические альтернативы,
Николай II,
фатализм,
власть.

В 2012 г. исполнилось 95 лет событиям в России, которые, если взять название одноименной работы Д.Рида, «потрясли мир». Меньше чем за год (с февраля по октябрь 1917 г.) в стране произошли две революции (Февральская, Октябрьская), власть потеряли монархия, либералы из Временного правительства, а в итоге произошедших событий страной более 70 лет правили радикальные социалисты (большевики). Сменился не только политический режим, но и форма собственности на средства производства: от преимущественно частной в начале 1917 г. до государственной, национализированной – к весне 1918 г. Радость, «братание» представителей различных слоев общества после свержения монархии в кратчайший срок сменились противоположной тенденцией – всеобщим озлоблением, ненавистью, Гражданской войной 1918–1922 гг.

Быстрота трансформаций привела многих отечественных специалистов к фаталистическому рассмотрению событий 1917 г. По идеологическим причинам тезис о неизбежности прихода к власти большевиков получил наиболее широкое распространение у советских ученых. «Все предшествующее готовило Октябрь» [13, с. 263], – заявлял еще в 30-е гг. М. Н. Покровский. В некоторых работах 80-х гг. данный подход принимал характер аксиомы: «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. … предопределена исторической необходимостью» [3, с. 146].

Позиция о неизбежности прихода к власти большевиков продолжала озвучиваться специалистами и в 90-е гг. XX в., когда идеологический диктат перестал существовать. Если в советский период фатализм обосновывался «положениями марксизма-ленинизма», то в последнее десятилетие XX в. его «методологическим» основанием стала мистика или, в лучшем случае, принцип «из двух зол надо выбрать наименьшее». Например, в работе об исторических альтернативах (что уже показательно!) Г. Померанц констатирует: «… Гроза войны 1914–1918 гг. и другие грозы (включая события 1917 г. в России – В.Н.) разразились, потому что над Европой повисло темное духовное облако (курсив мой – В.Н.)…» [12, с. 65]. М. Гефтер писал: «Вопрос из краеугольных – был ли выбор в 1917 году? …Выбора не было. Свершившееся тогда (приход к власти большевиков – В.Н.) – единственное, что противостояло неизмеримо большей кровавой перетасовке, развалу без смысла. Выбор – позже. Не исторического пути, а уже внутри «пути»…» [1, с. 248–249].

Несмотря на некоторые отличия, сторонники подобной, фаталистической точки зрения, едины в главном: они не оставляют людям, стране выбора. Пытаются убедить, что в 1917 г., кроме реализовавшегося на практике варианта, тенденции (гибель монархии – Временное правительство – большевики), никаких иных альтернатив не существовало. Возникает теоретическая проблема: насколько оправдан такой подход для оценки событий начала 1917 г.? Поскольку недостатки любых видов фатализма сегодня очевидны, целесообразно, на мой взгляд, преодолеть его негативные стороны на базе альтернативной истории или контрфактического моделирования прошлого (КФМ).

В данной работе рассмотрен ряд альтернативных вариантов действий, который мог быть реализован монархической властью в конце февраля – начале марта 1917 г. Такое использование КФМ позволит достичь ряда познавательных и практических целей. Во-первых, опровергнет распространенный тезис, что монархия не имела в данный период никакого выхода из тупика, была однозначно обречена (на чем настаивают фаталисты). Во-вторых, выявит ошибки конкретного правителя в сложившихся обстоятельствах, наметит для него позитивную (с точки зрения автора) программу поведения. В-третьих, отсечет субъективные, «политизированные», нереализуемые в марте 1917 г. альтернативы, о которых писали современники событий, их потомки, покажет недостатки предложенных здесь описаний потенциального прошлого. В-четвертых, даст ценную информацию на тему: как защищать имеющуюся власть в критические моменты истории?

Реконструкция альтернативных вариантов проводится на базе следующей методологии. Во-первых, в соответствии с разработанным автором методом моделирования, состоящим в «приписывании реальной личности каких-либо ирреальных действий» [10, с. 116] с изучением их последствий. Во-вторых, на основе правил Д. Мило [9, с. 197] будет определено: а) «невозможное для данного момента» (альтернативы, не реализуемые на практике); б) траектория «движения от возможных вариантов к конкретно свершившемуся», т.е. пути корректировки реальности, исходя из имеющейся информации. В-третьих, с помощью сравнительного анализа, который позволяет сопоставлять разделенные временем, но похожие по форме и содержанию исторические ситуации.

Конечно, для самодержавия к февралю 1917 г. «веер свободы» действий значительно сузился, по сравнению с предшествующим периодом [12, с. 59]. Однако способы ухода от революции у монархии существовали даже в это время.

Самый распространенный из них связан с фигурой императора Николая II. Ее ретроспективно негативные оценки звучат до сих пор. С позиции Н.Я. Петракова, «никто объективно не сделал столько для победы большевиков, как последний русский император...» [11, с. II]. Если бы в феврале 1917 г. Россией правил «человек калибра Петра I или Николая I ...» [14, с. 218], – сетовал современник описываемых событий В.В. Шульгин. Следовательно, при таком подходе логика проста: если этот правитель привел страну к двум революциям за год, то его замена на другую личность автоматически ведет к противоположным, позитивным, результатам.

Интересно, что сценарии подобного развития событий начали разрабатывать даже не «склонные» к альтернативности советские философы: «Во главе ... России во время Первой мировой войны стоял умственно ограниченный, неспособный царь – Николай II. Ну, а если бы вместо Николая II царствовал другой, способный и умный человек? ... В этом случае он, вероятно, смог бы предотвратить революцию в России. А раз так, то страна продолжала бы развиваться по капиталистическому пути...» [2, с. 379].

Попытка рассмотреть последствия замены Николая II на иную личность накануне 1917 г. – крайне интересна. Она оправдана методологически (удаление реальной личности – распространенный метод КФМ [см.: 10, с. 113]). У нее есть и фактические основания. Планы дворцового переворота у некоторых представителей правящей элиты (от «правых» до отдельных «великих князей») существовали уже к концу 1916 г. Однако тогда придется разбирать весь круг возможных претендентов на верховную власть, их возможные действия, эффективность в существовавших условиях и т.д. Это может увести далеко в сторону от главной темы исследования. Отсюда в настоящей работе принимаем гипотезу, что император остается прежним.

Недостаточно обоснован, на мой взгляд, и альтернативный вариант, связанный с введением в ситуацию нового институционального «игрока» – патриаршества. Как полагал, например, А.А. Керсновский, патриарх в марте 1917 г. мог сыграть решающую роль в предотвращении антимонархической революции в России. «Будь в России в 1917 г. патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом Император Николай Александрович – и все пошло бы по-другому. Во всяком случае,

Временного правительства мы не имели бы» [7, с. 49]. Подобная идея не могла быть реализована в данный момент в силу следующих обстоятельств. Во-первых, Николай II правил 22,5 года, но так и не восстановил институт патриаршества. Он (подобно предшественникам) опасался православной церкви как независимой от государства силы (несмотря на личную религиозность), а потому императора устраивала схема, введенная Петром I, опиравшаяся на Св. Синод как орган церковного контроля. Патриаршество в реальности (и совсем не случайно) восстановлено после падения монархии.

Во-вторых, данный институт оказывался бессилен и в практическом плане. Даже если бы патриарх присутствовал в данной ситуации и посоветовал бы Николаю II не отрекаться от престола, то это никак не решало проблемы неподчинения императору ряда высших военных и гражданских чинов, у которых находилась реальная власть. Отлучение их от церкви (на что мог пойти поддерживающий Николая патриарх в крайнем случае) тоже не давало быстрого положительного эффекта.

Отсеяв невозможное, сформулируем условия «исторической задачи». События в Петрограде застали императора не в столице, а в Ставке, Могилеве-на-Днепре, что снижало эффективность его действий. Николай пытался подавить революционное движение путем посылки на Петроград воинских подразделений под командованием генерала Н.И. Иванова, но они остановились, не доходя столицы, будучи «распропагандированными». Одновременно императору фактически отказались подчиняться начальник штаба Ставки генерал М.В. Алексеев, командующие фронтами, флотами, которые предложили Николаю отречься от власти. После этого попыток подавить восстание в столице Николай не предпринял (тем более, что там находились фактически в заложниках императрица, наследник, его дочери).

Что делать в сложившихся условиях? После отречения Николай II оценивал ситуацию крайне пессимистично. В дневнике от 2 марта 1917 г. он записал: «Кругом измена, и трусость, и обман». По мнению бывшего императора, опереться ему в борьбе за власть в тот момент не на кого. Однако, оценивая ситуацию в исторической ретроспективе, согласиться с ним полностью нельзя.

Из реально возможных вариантов, имевшихся для сохранения монархии в феврале–марте 1917 г., можно (обобщив позиции мемуаристов и современных авторов) выделить следующие.

1. **Подавление революции с опорой на гвардию**. Активный участник событий В. Шульгин утверждал: «Представим себе, что в 1917 году мы бы имели нетронутую и совершенно надежную в политическом смысле гвардию. Никакой революции не произошло бы. Самое большее, что случилось бы, – это отречение императора Николая II. Затем, допустим, что разложившаяся армия бросила бы фронт. Новый император или регент заключил бы мир – пусть невыгодный, но что же делать? ...Затем при помощи гвардии восстановил бы порядок повсюду, ибо... взбунтовавшиеся войска не способны бороться с полками, сохранившими дисциплину. Пусть беспорядки продолжались бы год, два, три...– все равно власть, опирающаяся на твердую силу, восторжествовала бы...» [14, с. 220].

В. Звягинцев видит развитие событий в феврале 1917 г. по аналогии с декабрем 1905 г. «Не брось Николай II свою блестящую гвардию умирать в Мазурские болота ..., оставь корпус кавалерии и два корпуса пехоты в Петрограде и Царском Селе, и где бы была та Февральская революция? Там же, где и Московское восстание 1905 года, грамотно и быстро подавленное одним только Семеновским полком!» [4, с. 339].

Оценим последствия реализации такого варианта. Рассматривая альтернативную ситуацию сквозь призму реальности, поставим вопрос: почему гвардию послали на фронт? Во-первых, Николай в 1914–1916 гг., как и иные правители того времени, считал: боевые действия закончатся после очередного «военного успеха». Надо использовать все имеющиеся возможности вооруженных сил для достижения победы. Кроме того, на фронтах имели место высокие потери, которые требовалось возместить. Во-вторых, показательна аналогичная ситуация в Германии. Кайзер Вильгельм II, видевший опыт Николая, посылает в середине 1918 г. гвардию на фронт. Он прекрасно понимает, что без достижения военного успеха (или «почетного мира» с Антантой) в стране начнется революция. Гвардия его власть тогда не спасет.

В целом вариант подавления антимонархической революции гвардией можно считать крайне маловероятным (но возможным, учитывая наличие в гвардии промонархически настроенных офицеров и солдат) в сложившихся исторических условиях. На мой взгляд, кадровые гвардейские части оказались к февралю 1917 г. в значительной степени уничтоженными на фронте, а их немногие сохранившиеся подразделения сами по себе не оказали бы существенного

влияния на развитие событий. Как отмечал В. Архипенко, «в дни революции сохранившиеся гвардейские части вовсе не поддержали царя, а солдаты их запасных батальонов, расположенных в Петрограде, одни из первых выступили вместе с восставшим народом. И даже собственный конвой отвернулся от него (Николая II – В.Н.)» [Цит. по: 6, с. 9].

2. **Подавление революции с опорой на консервативную часть офицерского корпуса.** Этот вариант тоже разрабатывал Шульгин. «Если бы можно было вооружить оставшихся в зале Армии и Флота офицеров, а главное, если бы ... это были люди, ... скажем, корниловского закала, если бы кто-нибудь понял значение военных училищ – ... эта минута могла спасти все... Можно было раздавить бунт, ибо ... «революционный народ» ... сражаться ... бы не стал... Надо было бы сказать ему, что Петроградский гарнизон распускается по домам. ...Надо было бы мерами исключительной жестокости привести солдат к повиновению, выбросить весь сброд из Таврического дворца, восстановить обычный порядок жизни и поставить правительство, ...опирающееся на настоящую гвардию» [14, с. 218].

На наш взгляд, такой вариант тоже мало реален, но мог иметь место на практике с большей вероятностью, чем чисто «гвардейский». Офицеры «корниловского закала» еще должны были сформироваться (сам Л.Г. Корнилов в марте 1917 г. лично арестовал императрицу по приказу Временного правительства). От имени кого бы офицерская масса, привыкшая к повиновению начальникам, отдала бы приказ о роспуске Петроградского гарнизона – не ясно. Однако в случае наличия в данной среде волевых, самостоятельно мыслящих личностей, «поднятия» ими на борьбу военных училищ шанс на противостояние революционным силам у монархистов имелся (даже большевикам в октябре 1917 г. пришлось потратить несколько дней на подавление аналогичного выступления юнкеров в Петрограде).

3. **Радикальная конфронтация императора с революционными силами.** Показательно, что этот вариант разрабатывают не современники событий, а их потомки. По мнению Звягинцева, для подавления волнений Николаю достаточно было «... арестовать и тут же расстрелять на краю насыпи думскую делегацию, прибывшую требовать у него отречения, после чего объявить Могилев временной столицей империи, предложить Вильгельму сепаратный мир без аннексий и контрибуций, а там ... двинуть на северную столицу (Петроград – В.Н.) испытанные фронтовые части» [5, с. 113]. Шульгин, в сравнении с этим сценарием, более реалистичен. Он не предлагает расстрелять прибывшую к царю за отречением думскую делегацию (ибо сам входил в ее состав), а сепаратный мир с Германией видит крайним средством при самом неблагоприятном развитии событий. Перенос «временной столицы империи» в Могилев для него – тоже из области фантастики. Открытое же начало Николаем крупномасштабной гражданской войны в феврале 1917 г. не кажется выходом для страны и сегодня. Звягинцев же уверенно утверждает: при осуществлении предложенной программы «последствия для Николая, его семейства, России, Германии и всего мира оказались бы куда менее тяжкими, чем то, что вышло в действительности» [5, с. 113].

Результаты реализации такого варианта очевидны. Во-первых, Петроградский Совет немедленно объявил бы Николая вне закона. Значит, с высокой вероятностью погибла бы его семья. Во-вторых, ни один из командующих фронтами (не говоря о более низком уровне армейского руководства) не выполнил бы в марте 1917 г. при наличии боеспособной армии приказ об открытии фронта немцам. Император оказался бы в глазах военачальников, солдат «изменником». В-третьих, германские войска тоже могли воспользоваться обстановкой («оголением» Восточного фронта) в свою пользу, продолжив наступление. Так что последствия «расстрела думской делегации» в марте 1917 г. оказались бы для Николая и страны гораздо более худшими, чем в реальности.

В сложившихся условиях позитивная программа действий Николая II видится автором следующим образом. Налицо – «бунт» политической элиты. Его требовалось подавить, начав снятием с должностей ряда высших военных с заменой их на лояльных персон. Затем – взяться за ротацию гражданских чиновников.

При невозможности движения на Петроград императору необходимо вернуться назад в Могилев (без объявления его «временной столицей»). Нахождение в районе станции Дно отрывало правителя от средств связи, рычагов управления, делало его беспомощным.

Кроме того, Николай должен был любыми путями (в обмен на уступки) настаивать, чтобы в Ставку отпустили семью (это развязывало свободу рук для дальнейших действий). Далее следовало затягивать пе-

реговоры об отречении под различными формальными предлогами (например, согласование его условий). Добиваться государственных гарантий неприкосновенности себе, семье, особого статуса бывшего императора и т.п.

Главная ошибка Николая – использование в конце февраля 1917 г. только приемов (ходов), которые подсказал ему опыт работы «главным чиновником» бюрократической системы (новое министерство с другим премьером, ответственное перед Государственной Думой, затем – роспуск Думы, военная экспедиция на Петроград). В то же время подавление массового неповиновения представителей высшей политической элиты всегда требует нестандартных действий, смекалки, разработки специфической тактики (неожиданных политических союзов и т.д.), направленной к главной цели. Николай мог действовать комплексно: опереться и на офицерские части, и на сохранившийся состав гвардейских полков, оставшийся (особенно в офицерской среде) верным ему в «мятежной» столице. Однако лишившись традиционных средств управления, потеряв контроль над бюрократической «машиной», император предпочел отказаться от власти.

Ситуация Николая II порождает «урок»: правитель (монархический, демократический и т.п.) должен в идеале не доводить дело до положения, когда его отставки требует не только население, но и значительная часть правящей элиты. Если же он оказался в такой ситуации (когда руководителю страны не подчиняется государственный и особенно – военный аппарат), то требуется заранее разработать план действий в подобной обстановке. Конечно, длительная неограниченная власть (тем более доставшаяся без борьбы, в силу рождения) «расслабляет» правителя, но готовность бороться за нее в чрезвычайных условиях – важный показатель степени его адекватности занимаемому посту (Николай I сумел подавить восстание декабристов в день коронации в декабре 1825 г.).

Еще один аспект оценки альтернатив Николая II дает сравнительный анализ. В похожей (по набору вариантов действий) ситуации в апреле 1605 г. оказался в 16 лет занявший престол Федор Годунов. Доверия к нему в глазах значительной части народа нет. Государственный, военный аппарат правителя сначала признает, но вскоре переходит от саботажа к открытому сопротивлению его приказам. Часть страны занята войсками претендента на верховную власть Дмитрия. Н. Костомаров видит для Федора следующие альтернативы: бежать; отречься от престола с признанием нового царя (надеясь на милосердие победителя); собрать оставшиеся силы, идти на последний бой. «Годуновы не сделали ничего подобного» [8, с. 148]: они лишь истребляли сторонников Дмитрия в Москве. Итог такой «политики» – дворцовый переворот, смерть Федора, части его семьи в июне 1605 г.

Сопоставление позволяет сделать ряд выводов. Оба правителя столкнулись с неповиновением государственного аппарата, но действовали по-разному. Николай после этого сразу отрекся, Федор предпочел умереть, но не подчиниться. Николай и Федор не стали идти в сложившейся ситуации ни на «решительный бой» с врагом, ни бежать (бросив семью на произвол судьбы). Роднит монархов и общая судьба – насильственная смерть их самих, близких, гражданская война в стране как расплата за ошибочные действия, проявленную слабость в ходе удержания власти. Здесь тоже кроется важнейший исторический «урок».

Конечно, может показаться, что выделенные в работе альтернативы носят чисто теоретический характер. Однако на деле они воспроизводятся в сходных ситуациях. Проблему удержания власти при неподчинении части государственного аппарата приходится решать не только правителям-монархам, но и при иных политических режимах (вспомним М. Горбачева в августе 1991 г., Б. Ельцина осенью 1993 г.). Здесь аналитически осмысленный, обобщенный опыт «нереализованного» прошлого способен пригодиться на практике, иногда – увести ситуацию от острого конфликта. Подобные альтернативы не всегда лежат на виду. Их часто требуется реконструировать средствами научного историософского анализа, собирая из разных источников. Тем более нельзя на основе фиксации наличия альтернатив выявить исторические «уроки», общие правила оптимальных действий в изучаемых ситуациях. Проведенный анализ альтернатив монархии в 1917 г. оставляет надежду на плодотворность КФМ прошлого в целом.

1. Гефтер, М.Я. Из тех и этих лет [Текст] / М.Я. Гефтер. М.: Прогресс, 1991.

2. Диалектический и исторический материализм [Текст] / М.: Политиздат, 1968.

3. Жуков Е.М., Барг М.А., Черняк Е.Б., Павлов В.И. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса [Текст] / Е.М. Жуков, М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.И. Павлов. М.: Наука, 1979.

4. Звягинцев, В.Д. Время игры [Текст] / В.Д. Звягинцев. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.

5. Звягинцев, В.Д. Бои местного значения [Текст] / В.Д. Звягинцев. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Касвинов, М.К. Двадцать три ступени вниз [Текст] / М.К. Касвинов. М.: Мысль, 1987.
7. Керсновский, А.А. История русской армии. В 4 т. Т.1. [Текст] /А.А. Керсновский. М.: Голос, 1992.
8. Костомаров, Н.И. Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604–1613 гг. [Текст] / Н.И. Костомаров. М.: Чарли, 1994.
9. Мило, Д. За экспериментальную, или веселую, историю [Текст] /Д. Мило // THESIS. 1994. № 5. С. 185–205.
10.Нехамкин, В.А. Становление контрфактической истории: философско-методологический аспект. [Текст] / В.А. Нехамкин. М.: МАКС Пресс, 2010.
11. Петраков, Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней [Текст] / Н.Я. Петраков. М.: Экономика, 1998.
12. Померанц, Г.С. История в сослагательном наклонении [Текст] / Г.С. Померанц // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 55–66.
13. Покровский, М.Н. Русская история в самом сжатом очерке [Текст] / М.Н. Покровский. М.: Партиздат, 1932.
14. Шульгин, В.В. Дни. 1920: Записки [Текст] / В.В. Шульгин. М.: Современник, 1989.

1. Gefter, M.Ja. Iz teh i jetih let [Tekst] / M.Ja. Gefter. M.: Progress, 1991 (Russian).
2. Dialekticheskij i istoricheskij materializm [Tekst] / M.: Politizdat, 1968 (Russian).
3. Zhukov E.M., Barg M.A., Chernjak E.B., Pavlov V.I. Teoreticheskie problemy vsemirno-istoricheskogo processa [Tekst] / E.M. Zhukov, M.A. Barg, E.B. Chernjak, V.I. Pavlov. M.: Nauka, 1979 (Russian).
4. Zvjagincev, V.D. Vremja igry [Tekst] / V.D. Zvjagincev. M.: JeKSMO-Press, 2001 (Russian).
5. Zvjagincev, V.D. Boi mestnogo znachenija [Tekst] / V.D. Zvjagincev. M.: JeKSMO-Press, 2001 (Russian).
6. Kasvinov, M.K. Dvadcat' tri stupeni vniz [Tekst] / M.K. Kasvinov. M.: Mysl', 1987 (Russian).
7. Kersnovskij, A.A. Istorija russkoj armii. V 4 t. T.1. [Tekst] /A.A. Kersnovskij. M.: Golos, 1992 (Russian).
8. Kostomarov, N.I. Smutnoe vremja Moskovskogo gosudarstva v nachale XVII stoletija. 1604–1613 gg. [Tekst] / N.I. Kostomarov. M.: Charli, 1994 (Russian).
9. Milo, D. Za jeksperimental'nuju, ili veseluju, istoriju [Tekst] /D. Milo // THESIS. 1994. № 5. S. 185–205 (Russian).
10.Nehamkin, V.A. Stanovlenie kontrfakticheskoj istorii: filosofsko-metodologicheskij aspekt. [Tekst] / V.A. Nehamkin. M.: MAKS Press, 2010 (Russian).
11. Petrakov, N.Ja. Russkaja ruletka: Jekonomicheskij jeksperiment cenoju 150 millionov zhiznej [Tekst] / N.Ja. Petrakov. M.: Jekonomika, 1998 (Russian).
12. Pomernac, G.S. Istorija v soslagatel'nom naklonenii [Tekst] / G.S. Pomeranc // Voprosy filosofii. 1990. № 11. S. 55–66 (Russian).
13. Pokrovskij, M.N. Russkaja istorija v samom szhatom ocherke [Tekst] / M.N. Pokrovskij. M.: Partizdat, 1932 (Russian).
14. Shul'gin, V.V. Dni. 1920: Zapiski [Tekst] / V.V. Shul'gin. M.: Sovremennik, 1989 (Russian).

UDC 123.2+304.4+930.1

# ALTERNATIVES OF RUSSIAN MONARCHY IN 1917: THE EXPERIENCE OF PHILOSOPHICAL AND HISTORICAL ANALYSIS

***Nekhamkin Valeri Arkadyevich,***
Bayman Moscow State Technical University,
Professor of the Department of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Moscow, Russia.
E-mail: nechamkin@rambler.ru

*Annotation*
The article examines the alternatives of Russian monarchy power at the end of February and at the beginning of March in 1917. It shows the prospects of its realization in practice.

*Key concepts:*
monarchy,
historical alternatives,
Nicolas II,
fate,
power.